

Научная статья

УДК 330.8

EDN SUEAVU

DOI 10.17150/2500-2759.2024.34(1).42-53

«ПОРУЧИК КИЖЕ» ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ, ИЛИ СЛОВО В ЗАЩИТУ ЕЕ ЭМПИРИЧЕСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Д.Я. Майдачевский

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

27 ноября 2023 г.

Дата принятия к печати

15 марта 2024 г.

Дата онлайн-размещения

29 марта 2024 г.

Ключевые слова

Историография экономической науки; история экономической мысли; эмпирическая историография; журнал «Экономист»; П.П. Маслов; псевдоним; атрибуция

Аннотация

Статья обращается к такой редко привлекающей исследовательское внимание практике историографии экономической науки, как установление вероятного авторства текста на примере статьи «Предпосылки реальной экономической политики», опубликованной в двух номерах известного журнала «Экономист» в 1922 г. На протяжении вот уже более чем столетия псевдоним П. Чубутский, которым подписана эта статья, рассматривается и воспринимается в качестве имени и фамилии реально существовавшего представителя отечественной экономической науки. Предполагая в качестве вероятного автора публикации известного русского публициста и экономиста-исследователя Петра Павловича Маслова и приводя доводы, обосновывающие сделанный выбор, автор настоящей статьи не рассматривает атрибуцию текста как самоцель. Помещая проблему установления авторства в широкий контекст историографии экономической науки, автор стремится к выяснению причин, по которым известный автор начала XX в. превратился в «поручика Кижее» отечественной экономической науки, история экономической мысли не предпринимала попыток вывести на авансцену науки владельца псевдонима, а дисциплина утратила свою эмпирическую и историческую направленность, имея в названии слово «история».

Original article

«LIEUTENANT KIZHE» OF RUSSIAN ECONOMICS, OR A WORD IN DEFENSE OF ITS EMPIRICAL HISTORIOGRAPHY

Dmitry Ya. Maidachevsky

Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation

Article info

Received

November 27, 2023

Accepted

March 15, 2024

Available online

March 29, 2024

Abstract

The article addresses such a practice of historiography of economic science that rarely attracts research attention as establishing the probable authorship of a text using the example of the article «Prerequisites of Real Economic Policy», published in two issues of the famous magazine «The Economist» in 1922. For more than a century, the pseudonym P. Chubutsky, with whom this work was signed, has been considered and perceived as the name and surname of a real-life representative of domestic economic science. Assuming the famous Russian publicist and economist-researcher Peter Pavlovich Maslov as the probable author of the publication and presenting arguments justifying the choice made, the author of this article doesn't consider the attribution of the

Keywords

Historiography of economics;
history of economic thought;
empirical historiography; «The
Economist» magazine; P.P.
Maslov; pseudonym; attribution

text as an end in itself. Placing the problem of establishing authorship in the broad context of the historiography of economic science, the author seeks to clarify the reasons why the famous author of the early 20th century turned into the «Lieutenant Kizhe» of domestic economic science, the history of economic thought made no attempts to bring the owner of the pseudonym to the forefront of science, and the discipline lost its empirical and historical orientation, having the word «history» in its title.

Историографическое введение

Псевдониму, о котором пойдет речь в статье и который, как и в случае с вымышленным «поручиком Кизе», стал рассматриваться и восприниматься в качестве имени и фамилии реально существовавшего представителя отечественной экономической науки, совсем недавно исполнилось 100 лет. Как представляется, срок вполне достаточный для того, чтобы тайное стало явным и на авансцену вышел его — псевдонима — владелец. Но к тому было немало преград. Большая часть этого срока пришлась на годы, когда едва ли не все экономисты 1920-х гг. стали фигурами умолчания и если упоминались, то исключительно с использованием идеологических ярлыков, равнозначных выражению «враг народа», а их труды и архивные материалы были упрятаны в «спецхраны». Казалось бы, ситуацию должно было переломить открытие последних в годы перестройки и превращение прежних фигур умолчания в символы грядущих перемен как в экономической науке, так и в хозяйственной практике. Институтом экономики АН СССР даже вырабатывался проект изучения советской экономической мысли 1920-х гг., не увенчавшийся, однако, сколько-нибудь значимыми результатами (если не считать публикации книги автора — разработчика проекта [1]), прежде всего потому, что был полностью лишен эмпирической историографической составляющей и свелся к выработке и обсуждению очередной «концепции истории развития экономической мысли» послереволюционного десятилетия¹ [2].

В эти же перестроечные годы авторы (В.А. Жамин и Я.И. Кузьминов) статьи «Историко-экономическая наука в СССР: история, современное положение, проблемы перестройки» в первом выпуске ежегодника «Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли» (видевшегося его создателям прообразом первого в стране специализированного историко-экономического журнала) определили причины интеллектуального кризи-

са, в состоянии которого советские десятилетия находилась отечественная история экономической мысли. Помимо засилья идеологии и господства презентизма ортодоксально-партийного марксизма к их числу они справедливо отнесли и ее «отрыв» от эмпирической базы. И дело было не только в недоступности опубликованных и архивных материалов, но и в нехватке у исследователей знаний, умений и навыков работы с ними. В силу отсутствия в рамках историко-научной дисциплины даже проблемной области источниковедения исследовательские работы создавались, как правило, с привлечением крайне ограниченного круга источников, к тому же вводившихся в оборот без серьезной их критики. Насущной потребностью объявлялось поэтому обречение историками экономической мысли умений и навыков архивной и библиотечно-библиографической эвристики, в связи с чем им рекомендовалось «пойти на выучку» к гражданским историкам [3, с. 18].

Отечественным исследователям рекомендовалось также — для пополнения арсенала приемов и методов исследовательской работы и преодоления провинциализма отечественных дисциплинарных практик — обратиться к опыту западной историко-экономической науки, находившейся, заметим, в указанное время в не менее глубоком и поныне продолжающемся дисциплинарном кризисе. Данный кризис не замедлил распространить свое действие уже на российскую историю экономической мысли, поскольку перенятием опыта дело не ограничилось: с началом рыночных преобразований в 1990–2000-е гг. началось не просто некритическое заимствование западных историко-научных подходов, а «зачистка» осваиваемой западным мейнстримом территории от каких бы то ни было следов марксистской парадигмы, жертвами которой стали и без того уже преданные забвению историко-научным сообществом такие базовые методологические установки истории экономической мысли, как историзм (исторический материализм) и эмпиризм².

¹ Обсуждение доклада В.Е. Маневича // Вопросы экономики. 1989. № 10. С. 57–75.

² Майдачевский Д.Я. История экономической мысли в лабиринте историографических подходов (в печати).

За минувшие с тех пор десятилетия отечественная история экономической мысли, следовавшая по стопам более «продвинутой» западной науки, не только подобно последней утратила свои прежние позиции в системе экономической науки и образования, но и воспроизвела (на заметно сократившемся дисциплинарном пространстве) сходный с нею ландшафт историографических подходов к познанию прошлого [4]. На место «традиционного» в советские времена презентизма ортодоксального марксизма, сводившего историю экономических идей к предыстории последнего или к их критике с позиций перспективы «лучшего настоящего», заступила презентистская же «история экономического анализа», занятая почти исключительно поиском в работах экономистов прошлого предвосхищений тех или иных современных (западных) теорий, в силу чего ее ретроспективистские построения лишь условно могут быть отнесены к числу исторических. В свои права вступил и новый для отечественной истории экономической мысли подход «интеллектуальной истории» (включающий многочисленные нарративистско-интерпретивистские ее разновидности³), ставшей результатом свершившегося в западной гуманитаристике антиисторического по своей природе постмодернистского поворота (переворота), на словах преследовавшего цель переосмысления историзма, а на деле — преодоления и выдворения на обочину науки доминирующих марксистских взглядов на интерпретацию.

В свете первого из подходов интересующая нас экономическая наука 1920-х гг. рассматривается крайне избирательно, исключительно через призму мировой (читай: западной) экономической науки и на предмет установления степени ее присутствия в орбите теоретических построений последней, сохранивших свое значение до наших дней или интересных в свете перспектив их дальнейшего развития. Присутствие это оценивается как «точечное», ограниченное узкими научными направлениями (циклических колебаний экономики, построений межотраслевого баланса, экономического роста, институциональной экономики сельского хозяйства), отдельными именами и конкретными трудами [6], которые включаются в современный тео-

³Заметим, однако, что многие отечественные историки экономической мысли, заявляя об использовании в работах «современных подходов интеллектуальной истории», на практике используют название последней не более как модный синоним традиционной «истории экономических идей», выступая в роли толкователей текстов (см., например, применительно к рассматриваемому периоду: [5]).

ретический дискурс в качестве своеобразной «приправы» (будучи уже адаптированы к его языку), способной придать им исторический и национальный «колорит». Второй подход в отечественной истории экономической мысли лишь недавно достиг степени зрелости, соответствующей зарубежным образцам, чтобы со всей определенностью сформулировать свои постмодернистские методологические позиции. Труды экономистов 1920-х гг. предлагается, например, рассматривать в его рамках как часть научного проекта создания политической экономии социализма, выработавшего специфический дискурс, тексты-артефакты которого нуждаются в расшифровке, выявлении значимых и порой неявных смыслов, скрытых за его (дискурса) языковыми играми [7, с. 27]. Нетрудно обнаружить, что и тот и другой подход имеет дело с символической реальностью, рисует некие «образы» экономической науки прошлого, создаваемые при помощи языка современного экономического знания ли или авторских идиом, метафор, риторических приемов, словаря и т.п., извлекаемых из упомянутых выше текстов-артефактов изучаемой эпохи. Они фактически строят нарративы вне всякой связи с реальностью исторической, с материальными отношениями, навязывая смысл текстам, а не ограничиваясь его извлечением из них и искажая в конечном итоге прошлую реальность, поскольку находятся в полном отрыве от какой-либо эмпирической, кроме других таких нарративов, базы.

Едва ли не единственным примером работ иного плана, которые с полным основанием следует отнести к «эмпирической историографии», можно счесть публикации, посвященные истории организационно-производственного направления российской аграрно-экономической мысли, подготовленные сотрудниками Центра аграрных исследований РАНХиГС при Президенте РФ в тесном сотрудничестве с Российским государственным архивом экономики и публикуемые большей частью на страницах издаваемого Центром журнала «Крестьяноведение». Заметим, что среди этих работ присутствуют публикации вновь обнаруженных в архивах текстов, принадлежащих перу экономистов организационно-производственного направления, или впервые вводимые в научный оборот русскоязычные варианты статей, опубликованных на страницах зарубежных журналов, библиографические материалы и т.п., что, несомненно, формирует эмпирическую базу проводимых сотрудниками Центра исследований [8–10]. Как результат, даваемые

объяснения, устанавливаемые связи или высказываемые в исследовательских статьях последних интерпретативные суждения имеют или будут иметь куда больше прав считаться обоснованными, поскольку поддержаны доказательствами, имеющимися в источниках, с которыми работают историки и архивисты.

Казус П. Чубутского

Настало, однако, время назвать псевдоним, который большинство экономистов и даже историков экономической мысли по сей день воспринимают как инициалы и фамилию некогда реально существовавшего человека, если не сгинувшего от карающего меча диктатуры пролетариата — ВЧК-ГПУ, то под давлением утверждавшегося в стране политически и идеологически чуждого ему режима вынужденного покинуть поприще экономической науки или даже саму страну, найдя пристанище на чужбине. Все указанные сценарии развития событий были вполне реальны, поскольку речь идет об авторе статьи «Предпосылки реальной экономической политики», опубликованной в двух номерах печально известного, и не только сообществу историков экономической мысли, журнала «Экономист», издававшегося в Петрограде в 1921–1922 гг., — П. Чубутском. Именно этот журнал стал символом и рождения в Советской России цензуры, и установления партийно-государственного контроля и начавшегося преследования инакомыслящей интеллигенции, включая первый опыт такого преследования — высылку из страны видных представителей отечественной науки и культуры (вошедшую в историю под названием «философского парохода»), в число которых попали как сотрудники, так и авторы этого недолго просуществовавшего издания, названного В.И. Лениным «органом современных крепостников, прикрывающихся, конечно, мантией научности, демократизма и т.п.» [11, с. 31].

Хлесткие, идеологически заданные характеристики журнала и его авторов, прозвучавшие из уст вождя мирового пролетариата, как и репрессивные действия в его и его сотрудников отношении, сформировали официальную позицию власти, которая легко просматривается уже в рецензиях, отмечавших факт выхода в свет четырех его книжек. Укрывшийся за псевдонимом Кедр-Ливанский рецензент журнала «Книга и революция», например, писал: «Когда приходится знакомиться с книгой, то для каждого интересующегося ценностью ее будет не то, что какой-то автор сказал и сколь много он привел ученых цитат из минувшего, а в какой

мере высказанное есть независимое ценное мышление, принадлежащее науке и практике будущего. Перед нами книжки №№ 1, 2, 3, 4, 5 нового журнала под названием «Экономист», объединившего всех здешних и зарубежных экономистов, недовольных в прошедшем, недовольных в настоящем и могущих быть довольными будущим, которое заказывается ими контрреволюции» [12, с. 13]. «Экономист», по мнению другого рецензента, уже журнала «Современник», — это «рупор новой, порожденной нэпом буржуазии, а его лозунг «вперед к капитализму», увы, не ведет вперед, а тащит далеко назад» [13, с. 396].

Столь же политически и идеологически заданными были характеристики, даваемые авторам и их работам, опубликованным на страницах издания. На страницах рецензий предстают фигуры скорее «политические», нежели «экономические», выступающие с политическими манифестами или заявлениями и выражающие классовые интересы определенных социальных групп. Уже упомянутый рецензент журнала «Книга и революция» со всей определенностью называл авторов экономистами, «экономящими на экономике и мечтающими о политике» и рассуждающими об экономике или политической экономии «исключительно в объеме своих [политических] вождедений». Именно на канве политических, властных устремлений, на его взгляд, «строятся все статьи, все доказательства» подобных экономистов [12, с. 13]. В ходе развернувшейся «критики» журнала «Экономист» и его авторов слово «экономист» буквально на глазах превращалось в синоним если не «контрреволюционера», то, во всяком случае, «контринтеллигента».

На страницах рецензий начинает свою самостоятельную жизнь и наш «поручик Киж» — П. Чубутский, на долгие десятилетия занявший место в одном ряду с «Питиримами Сорокиными и Бруцкусами». Самым цитируемым пассажем из его статьи, публиковавшейся с продолжением в первом и третьем номерах журнала, стал сюжет о «крепком мужике»⁴, вокруг которого сра-

⁴ «Общественная мысль должна найти начало, от которого можно было бы исходить, в связи с которым можно было бы расценивать и распределять все другие задачи. Таким началом в России и для России может быть только земледелие, «мужик». Интересы крестьянина, его потребности, его производство и его хозяйство, должны стоять в центре всех общественно-государственных забот. ...Единственное спасение России в «мужике» и в поднятии крестьянского хозяйства. Надо прекратить над крестьянином всякие социальные опыты, какими бы мотивами они ни вызывались» [14, с. 48–49].

зу же сложилось множество толкований, усматривавших в последнем не просто контрреволюционную пропаганду и агитацию, но развернутую кадетскую программу аграрной политики «последней формации». Саркастически именуя Чубутского «истым буржуа» и «другом мужика», автор ново-николаевских «Сибирских огней» писал: «Буржуазии нужен экономически «крепкий деревенский мужик», вытесняющий младшего брата из деревни в город на капиталистическую фабрику, где вытесненный становится объектом капиталистической эксплуатации. Деревенский кулак является поставщиком пролетариев для городского буржуа. На почве этого экономического сотрудничества создается между ними и политический союз. ...При отсутствии помещиков и при наличии жирного слоя «крепких мужиков» городская буржуазия благоденствует. Этой перспективой буржуазного благоденствия наш автор настолько растроган, что из его уст течет настоящая политическая лирика» [15, с. 87].

Политическая актуальность этой критики для власти достаточно быстро сошла на нет в силу появления других и более привлекательных для нее объектов, превратившись в худшем случае в темное пятно в биографиях его не покинувших родину участников, коих («темных пятен» с точки зрения новой власти), впрочем, у них и без того было предостаточно. В появившейся на страницах политико-экономического журнала ЦК ВКП(б) «Большевик» шесть лет спустя после описываемых событий статье автор называет публикации «Экономиста» давно уже «забытыми статьями давно забытого журнала» и, тем не менее, не только «стряхивает пыль с застоявшихся на полках книжек журнала», но и вновь, уже в иной политико-экономической ситуации в стране, выполняя политический заказ власти, обращается к их содержанию в поиске ответа на вопрос: «На кого же надеются, на кого опираются идеологи буржуазии в своей борьбе с рабоче-крестьянским правительством (в начале нэпа. — Д. М.)?» [16, с. 95]. На исходе нэпа, на старте сплошной коллективизации ответ на этот исторический вопрос⁵ политически и идеологически предопределен: разумеется, на нэпманов = кулаков. И вновь без отсылки к статье П. Чубутского не обошлось, тем более что слова последнего как нельзя лучше характеризовали процессы социальной дифференциации деревни в годы новой эко-

номической политики, которые и вели к столь закономерному результату/выводу: «Ставку надо ставить не на убогого, а на крепкого и сильного» [14, с. 50–51].

Следующего обращения к творческому наследию «поручика Киж» отечественной экономической науки пришлось ждать более полувека, вплоть до 1992 г., когда на страницах «Нового времени» были перепечатаны фрагменты уже не раз процитированной выше второй части статьи П. Чубутского из третьего номера «Экономиста» [17]⁶. Внимание публикатора «в очерке русского ученого-экономиста» опять-таки привлек сюжет о шедшем в послереволюционной Советской России процессе «раскрестьянивания» земледельцев и об опоре на «крепкого мужика» как спасителя страны. В период начавшихся рыночных преобразований 1990-х гг. на смену прежде крайне отрицательному, критическому его восприятию пришло, разумеется, целиком и полностью позитивное. Свое небольшое вступление публикатор завершал словами: «...статья более чем занятная. Может быть, призадумаются над ней и те, кто до сих пор не хочет «воскрестьянивания» сельского труженика? А?» [там же, с. 58]. Сомнений в политической и идеологической направленности републикации не оставляет и рубрика журнала, в которую она была помещена, — «Из политической мысли XX века».

Впрочем, небольшая эта републикация представляет интерес и с позиций историографии экономической науки. Прежде всего, обращает на себя внимание заглавие, под которым публикатор собрал вместе фрагменты статьи П. Чубутского (правда, даже не обозначив, как это принято, произведенные им сокращения текста), — «Новое народничество». В основе заголовка лежат слова самого Чубутского, которыми он обозначил свою позицию по крестьянскому вопросу — линию ставки на крепкого мужика, как он сам ее определил: «Нам предстоит новый период «народничества», но народничества совсем особого, почти нисколько не похожего на тот круг понятий и чувств, который еще не так давно связывался с этим термином. ... Новое народничество должно решительно порвать с той эгалитарной завистью, на которой, главным образом, основывалось старое. Равномерность нищеты не составляет творческого общественного начала, напротив, это — начало, способствующее дальнейшему понижению уровня как общего, так и частного благосостояния» [14, с. 48, 51]. Акцентируя

⁵ Исторический, поскольку автор статьи дал ей подзаголовок «Историческая справка о нэпе и идеологах русской буржуазии».

⁶ Публикация в том же году была перепечатана в [18].

внимание на «неонародничестве» автора, публикатор невольно заставляет читателя думать о возможной принадлежности укрывшегося за псевдонимом ученого-экономиста к кругу так называемых аграрников-неонародников, или к «школе Чаянова»⁷, чьи труды (и прежде всего ее научного лидера) стали активно возвращаться в научный оборот с конца 1980-х гг. Впрочем, он не уверен и в псевдонимности публикуемого текста, сообщая во вступительной заметке, что П. Чубутский — «имя в начале 20-х громкое среди ученых-хозяйственников», исчезнувшее из обихода «только с закрытием журналов» [17, с. 58].

Казалось бы, появившийся в 2008 г. сборник избранных статей из всех увидевших свет номеров «Экономиста» [21] должен был пролить хотя бы тусклый луч света на фигуру П. Чубутского, чьей работе выпала честь его открыть⁸. Книга, однако, стала примером крайне низкой публикаторской культуры. Она фактически лишена научно-справочного аппарата, а присутствующие его элементы страдают лакунами и неточностями, что свидетельствует об отсутствии сколько-нибудь серьезной подготовительной работы. Предваряющая публикацию вступительная статья ни в малейшей степени не способствует устранению указанных недостатков. Она нацелена исключительно на воссоздание «социально-политического фона событий, отраженных в статьях авторов «Экономиста», дабы читатель мог «почувствовать атмосферу тех грозных и страшных лет России» [там же, с. 7]. Познакомившийся с отобранными составителями работами читатель, даже убедившись в высочайшем уровне отечественной экономической мысли начала XX в., остается, однако, в полном неведении относительно тех, кому эти мысли принадлежали. Напротив их имен или псевдонимов (как и в

случае с Чубутским) он обнаруживает фразу «Сведений не найдено» даже в том случае, когда таковые можно было обнаружить если не в универсальных справочно-энциклопедических изданиях, то в специальной историко-экономической литературе.

Исправить часть ошибок и недоработок составителей издания взялся рецензент — историк экономической мысли (коего в их коллективе явно не доставало) Г.Д. Гловели. Его рецензия — ценное дополнение к книге, и прежде всего к ее научно-справочному аппарату, хотя вносит также вклад в характеристику контекста, насыщая его по преимуществу политико-идеологическое основание историко-научным содержанием. Остановимся между тем лишь на одном критическом замечании, которое предваряет приводимую им биобиблиографическую и историко-научную информацию. Рецензент не соглашается с выводом автора вступительной статьи к сборнику (в основе которого, на его взгляд, лежат как раз неглубокие, поверхностные биобиблиографические, не говоря уже об отсутствии архивных, ее разыскания) о том, что большинство авторов журнала в соответствии с волей В.И. Ленина оказались в эмиграции, в чем его трудно не поддержать. Труднее согласиться со второй частью его замечания: «Мы располагаем информацией, что это не так. Однако судьбы оставшихся сложились драматичнее, чем вынужденно уехавших» [23, с. 243]. Безусловно, своя доля испытаний тоталитарным политическим режимом выпала на долю каждого из них, но будет, наверное, по меньшей мере несправедливостью проигнорировать, например, тот факт, что из числа авторов журнала выйдет сразу два первых советских академика-экономиста. (Одним из которых станет, как нетрудно догадаться, и укрывшийся под псевдонимом П. Чубутский.) Так что драматургия судеб оставшихся на родине авторов «Экономиста» была куда более замысловатой, чем она видится рецензенту.

Однако, прежде чем раскрыть инкогнито П. Чубутского, обратимся к еще одному небольшому сюжету нашей истории, еще ближе подводящему ее и к нашим дням, и к нашему герою. В 2012 г. была защищена кандидатская диссертация по истории экономических учений, специально посвященная истории журнала «Экономист», автор которой одну из задач исследования видел в том, чтобы «реконструировать историю создания журнала... состав его редакционной коллегии и авторов» [24, с. 5]. Без опоры на архивные материалы, глубокого библиотеч-

⁷ П. Чубутскому доведется стать членом еще одной научной школы (социологии труда и экономической социологии), которую из интеллектуалов, группировавшихся вокруг журнала, сконструирует А.И. Кравченко и которая так и называется — школа журнала «Экономист». И по научному весу в этой школе, если судить по числу ссылок на единственную опубликованную им в журнале статью, П. Чубутский уступает только Б.Д. Бруцкису [19, с. 240–259]. Впрочем, упоминание об этом факте необходимо нам лишь для демонстрации того, что П. Чубутский стал «поручиком Кижее» и истории отечественной социологии и проник на страницы учебного издания по этой дисциплине. В последние годы «имя» П. Чубутского как экономиста либерального направления стало упоминаться и в учебниках по истории экономических учений [20, с. 306].

⁸ На страницах избранного была перепечатана первая из двух частей статьи «Предпосылки реальной экономической политики», вошедшая в состав первой книжки журнала [22].

но-библиографического поиска в ведущих книгохранилищах страны поставленная историко-научная задача решена, конечно же, не была (на ее страницах по-прежнему цитируется статья экономиста П. Чубутского), а работа свелась, по существу, к либеральной критике (иного вряд ли стоило ожидать в эпоху либеральных рыночных преобразований в стране) практических шагов молодой советской власти в области хозяйственного строительства и отчасти их теоретических основ, осуществляемой устами авторов «Экономиста». Иных, нежели либеральные, альтернативных путей развития страны в работе не просматривается, вопреки как ее названию, так и заявленному редакцией журнала (и повторенному диссертантом) плюрализму «симпатий и идеалов» на его страницах.

И, тем не менее, одно наблюдение автора, небезынтересное с точки зрения темы нашей статьи, обращает на себя внимание. Автор полагает ни много ни мало как «знаковым событием для журнала» публикацию на его страницах рецензии С.И. Солнцева (заметим, второго из участников издания, ставшего в 1929 г. советским экономистом-академиком) на вышедшую в Чите работу П.П. Маслова «Мировая социальная проблема» (1921). «Знаковой» для журнала публикация рецензии стала, по его мнению, в силу ярко выраженной «антибольшевистской направленности» книги Маслова, «серьезности и неопровержимости» ее аргументов, говорящих об ошибочности экономической политики большевиков, которые рисковали остаться неизвестными широкому читателю этого малотиражного и увидевшего свет на далекой восточной окраине страны (а фактически за ее пределами) издания, не опубликуй «Экономист» ее подробного обзора и разбора Солнцевым [25]. На этом основании («серьезности и неопровержимости антибольшевистских аргументов») диссертант даже включает П.П. Маслова в число авторов журнала, оговариваясь, правда, что «непосредственно для «Экономиста» П.П. Маслов не писал» [24, с. 17, 22]. И в этом, как мы попытаемся показать, он заблуждается.

Историографический эксперимент

Историки экономических учений, в массе своей придерживающиеся историко-мыслительного подхода, заняты преимущественно изучением «филиации идей». Объект их исследований ограничивается научными текстами, понимание которых фиксируется в системе описаний, чаще лишь воспроизводящих смысл текста или интерпретирующих

его с позиций современного состояния знания ли или политико-идеологических запросов. Конечные цели их исследований, ориентированных в большей мере на доктринальные или телеологические критерии, являются, как правило, теоретическими, педагогическими или идеологическими. Более того, их ретроспективистские по своему характеру построения лишь с большой долей условности можно причислить к числу исторических. Будучи историками, в нашем случае — экономической науки, они не должны рассматривать научные тексты через призму современного знания в поисках у авторов прошлого следов, ведущих к настоящему, его «предвосхищений». Тем более что содержательная сторона зафиксированного в тексте знания сама по себе, без реконструкции и описания, превращающего его в историко-научный факт, не должна интересовать историка. Специфика научного текста как источника историко-научного исследования, соответственно, состоит в обнаружении за ним «живых актов познания», реконструкции с его помощью тех «процессов познавательной деятельности, в рамках которых этот текст когда-то формировался и функционировал» [26, с. 112].

Применительно к теме нашей статьи это означает, что историкам экономической мысли/учений удобнее существование в качестве автора статьи в журнале «Экономист» «поручика Кижее» — фигуры мифического экономиста П. Чубутского, цитаты из которого так удобно ложатся в априори выстроенные схемы, нежели, покинув комфортную среду текстов, обратиться к трудозатратной работе историка — архивному и библиотечно-библиографическому поиску, широкому привлечению исторических источников, которые, возможно, заставят их пересмотреть если не схемы, то место, занимаемое в них ученым, или даже саму уместность присутствия в них последнего. Историческая реконструкция науки невозможна без обращения к эпистолярному наследию ученых, материалам автобиографического характера, мемуарам, документам научных институций, что позволяет проследить становление научных взглядов и их последующую эволюцию. Вовлечение в историографический оборот значительного круга оригинальных исторических источников дает возможность много шире, а нередко и иначе, взглянуть и на содержание научного знания, доносимого до нас опубликованными текстами — документами, монографиями или научными статьями.

В нашем случае неотъемлемой частью такой эмпирической историографии стала

атрибуция псевдонимного текста, установление его вероятного авторства. Направление поиска было задано отнюдь не текстом статьи, а случайно обнаруженным элементом ее библиографического описания. Обе части статьи «Предпосылки реальной экономической политики» в текстах номеров подписаны псевдонимом П. Чубутский, однако в оглавлении, помещенном в конце третьего номера, он значится уже как П.П. Чубутский, что заставило предположить подлинность инициалов (имени и отчества) автора, «автоматически» проставленных редактором-издателем при его составлении. Последний дал и еще одну подсказку. На страницах им редактируемого «Вестника литературы» Д.А. Лутохин писал в 1922 г.: «...самое появление свободного экономического журнала, блестящий состав сотрудников, разнообразный материал делают появление «Экономиста» общественным событием исключительной важности», сопроводив слова «блестящий состав сотрудников» примечанием: «Между прочим под псевдонимом П. Чубутского выступил один из выдающихся наших публицистов» [27, с. 17].

Сочетание двух этих «подсказок» позволило предположить, что за псевдонимом П.П. Чубутский укрылся Петр Павлович Маслов (1867–1946), получивший на рубеже XIX–XX вв. известность как публицист и исследователь-экономист, не имея при этом ни законченного высшего, ни экономического образования. Заметим, например, что, совершая накануне Первой мировой войны поездку по городам Транссиба с публичными лекциями, он в университетском Томске предпочитал представляться в их рекламе на страницах местной периодики «известным публицистом» или «известным литератором», тогда как в прочих городах (например, в Иркутске) — «известным экономистом». Достаточно простое и логичное объяснение получает в этом случае и псевдоним, который в авторской его версии выглядел, скорее всего, много проще и «прозрачнее» — П.П. Читинский, поскольку начиная с весны 1921 г. и практически до конца 1922 г. П.П. Маслов жил и работал в Чите, столице ДВР. Окончательным вариантом мы, по всей видимости, обязаны уже редактору-издателю журнала Д.А. Лутохину, посчитавшему авторский слишком «узнаваемым»: Маслов был не чужд саморекламы, прилагая немалые усилия для распространения и популяризации своих взглядов, невзирая на негативные последствия, к которым это могло привести в рассматриваемые годы.

Вот и в первой части статьи, опубликованной на страницах «Экономиста», П.П. Чубутский-Маслов, на наш взгляд, не устоял перед искушением намекнуть о том, кто же скрыл свое имя за псевдонимом, посвятив изрядный ее фрагмент К. Менгеру и теории предельной полезности, «на которой построено здание политической экономии и которая прекрасно объясняет и всю экономику современной русской жизни» [22, с. 71]. Отнюдь не покушением на марксистскую трудовую теорию стоимости был этот фрагмент, а распространением своих («марксиста табашника», как он себя называл) неортодоксальных марксистских теоретических построений, в которых концепция предельной полезности нашла себе место в качестве инструмента объяснения распределения производительных сил общества, приоритета, отдаваемого последним удовлетворению «настоятельных потребностей» (в продуктах, имеющих «предельную полезность»). В рамках статьи «степень настоятельности общественной потребности в продукте» была призвана объяснить «господство деревни над городом» в Советской России тех лет, а также предлагаемые автором меры здоровой экономической политики, среди которых была уже упомянутая выше «ставка на мужика»: «Нельзя не поставить первым пунктом, прежде и выше всего создание в «деревне» многочисленных хозяйств, производящих «избытки» съестных продуктов. Надо отказаться от иллюзии, будто эти избытки можно извлечь из деревни непосредственно при помощи насилия... Единственным нормальным способом извлечения излишков является только добровольное получение их через свободный обмен за предоставляемые эквиваленты» [там же, с. 75]. Но главное, читателям, знакомым с дореволюционным творчеством П.П. Маслова, и прежде всего с его книгой «Теория развития народного хозяйства: введение в социологию и политическую экономию» [28], после прочтения статьи должно было стать понятным, от кого исходит критика текущей политики власти и какая, экономически более целесообразная, должна прийти ей на смену.

Вряд ли случайностью можно счесть, на наш взгляд, и тот факт, что две части статьи П.П. Чубутского-Маслова были опубликованы не непосредственно друг за другом, в последовательно выходивших выпусках журнала (если вообще в делении статьи на две части была какая-нибудь необходимость), а были разделены номером, в котором увидела свет публикация С.И. Солнцева, посвященная книге Маслова «Мировая социальная

проблема», опубликованной, как мы уже отмечали выше, в Чите в 1921 г. [29]. Трудно поверить в то, что появление не небольшой рецензии или библиографической заметки, а основательного разбора Солнцевым новой крупной работы П.П. Маслова, развивавшей его более ранние теоретические построения на основе обобщения «опыта войны и революции», на страницах одного журнала и одновременно со статьей самого Маслова, укрывшегося за не самым «непроницаемым» псевдонимом, к которому к тому же сам редактор-составитель издания привлекал внимание читателей, было всего лишь счастливым совпадением. Мы предполагаем, что за этим фактом скрывались шаги по возвращению работ известного публициста и экономиста к более широкому читателю, предвещавшие возвращение и его самого из полуэмиграции в Советскую Россию, которое и состоялось на исходе того же 1922 года.

Статья С.И. Солнцева в известном смысле готовила читателей журнала к восприятию второй части работы П.П. Чубутского-Маслова, подводя наиболее внимательных и вдумчивых из них к мысли о том, что воспринимать и критику П.П. Масловым принципов действующей, и принципы проектируемой экономической политики следует с позиций теоретической схемы, выстроенной им вокруг отношений производства и потребления, а не обмена и распределения. «Особенно резкое и чрезвычайно неблагоприятное для экономического развития страны нарушение законов производства и потребления Маслов, — по словам С.И. Солнцева, — видит в России по отношению к мелкому земледелию, составляющему по своей продукции занятие 9/10 населения и определяющему собою состояние и развитие производительных сил страны. В отношении к русскому крестьянству как раз ведется, по мнению Маслова, подчинение продукции принципу распределения» [25, с. 225]. Отталкиваясь от тех же теоретических предпосылок, как нетрудно обнаружить, обратившись к статье самого П.П. Чубутского-Маслова (отсюда и ее заголовок, в котором ключевым выступает слово «Предпосылки...»), последний проектирует реальную, действенную экономическую политику с опорой на «крепкого мужика». Лишь крестьянин-хозяин (производитель), его производительное потребление (накопление) могут осуществить перестройку крестьянского хозяйства «из типа чисто потребительского в тип промышленный, работающий на рынок» [14, с. 51].

Под тем же теоретическим углом зрения читателю статьи П.П. Чубутского-Маслова, а тем более желающему убедиться в принадлежности ее авторства Петру Павловичу Маслову, следует рассматривать и прочие сюжетные линии статьи. Например, ту из них, где он обращается к проблеме «голода» и настаивает на необходимости подходить к анализу последнего не только как «общественного бедствия», но и прежде всего как «общественно-хозяйственного явления». Само возникновение этой сюжетной линии в статье в «Экономисте» было обусловлено, по всей видимости, одновременной работой Маслова над статьей «Голод и народное хозяйство» для сборника «Печаль полей», готовившегося к изданию Центральным Дальневосточным комитетом общественных организаций по оказанию помощи голодающим России, в которой он констатировал, что голод является «признаком вредной для земледельческого населения экономической политики и экономических отношений, приводящих к разорению земледельцев» [30, с. 100] и превращающих их хозяйства в «самопотребительные». Такова же ситуация и с другим, занимающим заметное место в статье и немаловажным для ее автора сюжетом — о кооперации. Реальная экономическая политика в отношении последней должна отбросить отжившую свой срок идею о ней как о «пути к социализму», прокладываемому в сфере распределительных отношений потребительской кооперацией. «Конечно, — замечает П.П. Чубутский-Маслов, — если при помощи кооперации группа бедняков-крестьян получит возможность создать потребительское хозяйство, удовлетворяющее их основные потребности, ранее не удовлетворявшиеся, этому можно только радоваться» [22, с. 75]. Однако куда более важным представлялся ему перенос активности кооперативной деятельности в сферу производства, производительного потребления (накопления), создания кооперативных предприятий в земледелии, дающих излишки продукта. Задачу «выяснения путей и средств увеличения общественного производительного потребления посредством кооперативного движения» [31, с. 82] Маслов поставит перед «теорией кооперации», изложению начал которой он посвятит одноименную книгу, также увидевшую свет в Чите в 1922 г.

Историографическое заключение

Обращение к процедуре атрибуции псевдонимного текста из журнала «Экономист», т.е. установления его вероятного авторства,

с последующим этой процедуры описанием в рамках предпринятого нами исследования не являлось ни основной, ни самостоятельной целью настоящей статьи. Атрибуция стала составляющей, если так можно выразиться, своеобразного историографического эксперимента, в рамках которого на исторические (или ретроспективные) построения второй ее части самой историей было наложено ограничение в виде псевдонимности текста, а их результатам противопоставлена история, написанная без этого ограничения, снятого автором в третьем, заключительном ее разделе. Вряд ли обнаружившиеся в результате сравнения отличия нуждаются в многословных комментариях, однако приведем их в качестве кратких выводов проведенного исследования.

Теперь уже не вымышленный «русский ученый-экономист П. Чубутский», а самый что ни на есть настоящий — Петр Павлович Маслов — выстраивал свою систему реальной экономической политики, как и критику политики большевиков (преимущественно периода военного коммунизма), в строгом соответствии с логикой собственной теоретической, политико-экономической схемы, вряд ли знакомой неискушенным в экономической науке (или ее прошлом), но политически ангажированным «критикам слева» 1920-х или «хвалителям справа» 1990-х гг. Восприятие его построений в иных системах не только политико-экономических, но и идеологических координат закономерно привело к их вульгаризации, утрате интереса к присущему им уникальному языку, понятийному аппарату и в конечном счете к фигуре самого автора, который на протяжении столетия вполне устраивал всех в качестве

«поручика Киж» отечественной экономической науки — критика большевизма.

В ряду вульгаризаторов оказалась и профессиональная история экономической науки. В советский период ее истории — в силу идеологизации, догматизации и нацеленности на утверждение истинности «единственно верного политико-экономического учения» и, соответственно, разумности выстраиваемой в соответствии с ним, что в прошлом, что в настоящем, экономической политики власти. В постсоветский период пробуждению интереса к фигуре автора журнала, ставшего символом борьбы с большевизмом, также отчасти препятствовала идеология — либеральная, боязнь обнаружить за критикой им большевизма позитивное начало: слишком отчетливо в ней просматривались «левые», марксистско-неонароднические установки. Науку по-прежнему устраивала возможность вырывать из псевдонимного текста статьи цитаты, льющие воду на мельницу иных политико-идеологических построений. Однако куда более труднопреодолимыми препятствиями стали стремительная утрата историей экономической мысли институциональной жизнеспособности и дисциплинарного статуса (как потенциального рассадника инакомыслия в экономической науке, где господствовал уже неоклассический мейнстрим), а также распространение историографических подходов к изучению ее прошлого, изгоняющих методологические установки исторического реализма и эмпиризма, выхолащивающих интерес к содержанию экономического знания, в результате чего историко-экономическая наука отрывалась от эмпирического базиса, методов, практик.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маневич В.Е. Экономические дискуссии 20-х годов / В.Е. Маневич ; отв. ред. Л.И. Абалкин. — Москва : Экономика, 1989. — 142 с.
2. Маневич В.Е. История развития советской экономической мысли в 20-х годах (основы концепции) / В.Е. Маневич // Вопросы экономики. — 1989. — № 10. — С. 46–57.
3. Жамин В.А. Историко-экономическая наука в СССР: история, современное положение, проблемы перестройки / В.А. Жамин, Я.И. Кузьминов // Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли / редкол. : В.А. Жамин (отв. ред.) и др. — Москва, 1989. — Вып. 1. — С. 6–23.
4. Мальцев А.А. Проблемы и перспективы развития истории экономической мысли: взгляд российских и зарубежных ученых / А.А. Мальцев. — DOI 10.32609/0042-8736-2020-9-94-119. — EDN RNSFUT // Вопросы экономики. — 2020. — № 9. — С. 94–119.
5. Мустафин А.Р. Большие циклы, советская власть и экономисты: из истории дискуссий 1920-х годов / А.Р. Мустафин. — DOI 10.31737/2221-2264-2022-57-5-8. — EDN AXKDHS // Журнал Новой экономической ассоциации. — 2022. — № 5 (57). — С. 126–140.
6. Полетаев А.В. К вопросу о российском вкладе в мировую экономическую науку / А.В. Полетаев // Национальная гуманитарная наука в мировом контексте: опыт России и Польши / пер. с пол. Н. Кузнецова ; отв. ред. Е. Аксер, И.М. Савельева. — Москва, 2010. — С. 310–342.
7. Мельник Д.В. Дискурс о собственности в советской политэкономии / Д.В. Мельник, О.И. Ананьин. — DOI 10.32609/0042-8736-2023-10-27-52. — EDN RYIGMZ // Вопросы экономики. — 2023. — № 10. — С. 27–52.
8. Кузнецов И.А. Неизвестные и малоизвестные работы экономистов организационно-производственной школы / И.А. Кузнецов, Т.А. Савинова. — EDN UOGXZW // Крестьяноведение. — 2018. — Т. 3, № 1. — С. 7–12.

9. Круглый стол «Организационно-производственное направление российской аграрно-экономической мысли: история и современность» / В.Г. Виноградский, А.В. Гордон, И.А. Кузнецов [и др.]. — EDN UOGYDC // Крестьяноведение. — 2018. — Т. 3, № 1. — С. 74–98.
10. Библиография школы Чаянова: направления исследования : метод. пособие / сост. В.О. Афанасенков, И.А. Кузнецов, А.М. Никулин, Т.А. Савинова. — Москва : Дело, 2020. — 156 с. — EDN OAMVJD.
11. Ленин В.И. О значении воинствующего материализма // Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. — 5-е изд. — Москва, 1970. — Т. 45: Март 1922 ~ март 1923. — С. 23–33.
12. Кедр-Ливанский. Об экономистах из «Экономиста» и интеллигенции за границей / Кедр-Ливанский // Книга и революция. — 1922. — № 7 (19). — С. 13–15.
13. Шварц М. [Рецензия] / М. Шварц // Современник. — 1922. — Кн. 1. — С. 391–396. — Рец. на кн. : Экономист. 1922. № 3.
14. Чубутский П. Предпосылки реальной экономической политики [часть 2] / П. Чубутский // Экономист. — 1922. — № 3. — С. 45–53.
15. Фурщик М. К вопросу о возрождении буржуазной идеологии / М. Фурщик // Сибирские огни. — 1922. — № 5. — С. 84–101.
16. Казимирский К. О чем они пророчили. (Историческая справка о нэпе и идеологах русской буржуазии) / К. Казимирский // Большевик. — 1928. — № 2. — С. 91–96.
17. Чубутский П. Новое народничество / П. Чубутский ; публ. А. Едемский // Новое время. — 1992. — № 7. — С. 58–59.
18. Чубутский П. Новое народничество / П. Чубутский ; публ. А. Едемский // Социум. — 1992. — № 7 (19). — С. 26–31.
19. Кравченко А.И. История отечественной социологии : учеб. пособие / А.И. Кравченко. — Москва : Акад. проект, 2005. — 624 с.
20. Абаев А.Л. История экономических учений: мировая и отечественная экономическая мысль : учеб. и практикум / А.Л. Абаев, Т.В. Боровикова. — Москва : Дашков и К°, 2021. — 379 с.
21. Экономист : избранное / [сост.: А.Л. Погорельский, А.И. Черных ; вступ. ст. А.И. Черных]. — Москва : Территория будущего, 2008. — 365 с.
22. Чубутский П. Предпосылки реальной экономической политики [часть 1] / П. Чубутский // Экономист. — 1922. — № 1. — С. 66–76.
23. Гловели Г. Экономическая история повторяется / Г. Гловели // Прогнозис. — 2008. — № 4 (16). — С. 242–247. — Рец. на кн.: Экономист : избранное / сост.: А.Л. Погорельский, А.И. Черных ; вступ. ст. А.И. Черных. — Москва : Территория будущего, 2008. — 365 с.
24. Брянский А.Ю. Экономическая мысль России в поисках альтернатив хозяйственного развития страны: к истории журнала «Экономист», 1921–1922 гг. : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 / А.Ю. Брянский. — Москва, 2012. — 26 с.
25. Солнцев С.И. Социальная проблема в экономическом освещении / С.И. Солнцев // Экономист. — 1922. — № 2. — С. 220–230. — Рец. на кн.: Маслов П. Мировая социальная проблема. — Чита, 1921. — 268 с.
26. Кузнецова Н. Научный текст как источник в историко-научном исследовании / Н. Кузнецова, М. Розов. — EDN IBLGSZ // Высшее образование в России. — 2005. — № 5. — С. 107–112.
27. Книжный червь [Лутохин Д.А.]. Наши экономические журналы / [Д.А. Лутохин] // Вестник литературы. — 1922. — № 1 (37). — С. 16–17.
28. Маслов П.П. Теория развития народного хозяйства: введение в социологию и политическую экономию / П.П. Маслов. — Санкт-Петербург : Тип. В. Безобразова и К°, 1910. — VIII, 380 с.
29. Маслов П.П. Мировая социальная проблема / П.П. Маслов. — Чита, 1921. — 268 с.
30. Маслов П. Голод и народное хозяйство / П. Маслов // Печаль полей. — Чита, 1922. — Сб. 1. — С. 97–109.
31. Маслов П.П. Теория кооперации / П.П. Маслов. — Чита : Госкнига, 1922. — 122 с.

REFERENCES

1. Manevich V.E.; Abalkin L.I. (ed.). *Economic Discussions in the Twenties*. Moscow, Ekonomika Publ., 1989. 142 p.
2. Manevitch V.E. History of the development of Soviet economic thought in the 1920s (basics of the concept). *Voprosy ekonomiki = Issues of Economy*, 1989, no. 10, pp. 46–57. (In Russian).
3. Zhamin V.A., Kuzminov Ya.I. Historical and economic science in the USSR: history, modern situation, problems of perestroika. In Zhamin V.A. (ed.). *Origins: issues of the history of the national economy and economic thought*. Moscow, 1989. Iss. 1, pp. 6–23. (In Russian).
4. Maltsev A.A. Whither History of Economic Thought: a Perspective from Russian and International Scholars. *Voprosy ekonomiki = Issues of Economy*, 2020, no. 9, pp. 94–119. (In Russian). EDN: RNSFUT. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-9-94-119.
5. Mustafin A.R. Long Cycles, the Soviet Authority and Economists: from the History of Discussions of the 1920S. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii = Journal of the New Economic Association*, 2022, no. 5, pp. 126–140. (In Russian). EDN: AXKDHS. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-57-5-8.
6. Poletaev A.V. On the Russian contribution to world economic science. In Akser E., Savel'eva I.M. (eds.). *National humanitarian science in a global context: the experience of Russia and Poland*. Moscow, 2010, pp. 310–342. (In Russian).
7. Melnik D.V., Ananyin O.I. The Discourse on Ownership in the Soviet Political Economy. *Voprosy ekonomiki = Issues of Economy*, 2023, no. 10, pp. 27–52. (In Russian). EDN: RYIGMZ. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-10-27-52.
8. Kuznetsov I.A., Savinova T.A. Unknown and Little-known Works of the Economists of the Organization-production School. *Krest'yanovedenie = Russian Peasant Studies*, 2018, vol. 3, no. 1, pp. 7–12. (In Russian). EDN: UOGXZW.

9. Vinogradsky V.G., Gordon A.V., Kuznetsov I.A., Kurakin A.A., Nikulin A.M., Ovchintseva L.A., Petrikov A.V., Savinova T.A., Shanin T. Round Table «Organization-Production School in the Russian Agrarian-Economic Thought: History and the Present Time». *Krest'yanovedenie = Russian Peasant Studies*, 2018, vol. 3, no. 1, pp. 74–98. (In Russian). EDN: UOGYDC.

10. Afanasenkov V.O., Kuznetsov I.A., Nikulin A.M., Savinova T.A. *Bibliography of Chayanov school: research directions*. Moscow, Delo Publ., 2020. 156 p. EDN: OAMVJD.

11. Lenin V.I. On the Meaning of Militant Materialism. *The Complete Works*. 5th ed. Moscow, 1970. Vol. 45, pp. 23–33. (In Russian).

12. Kedr-Livanskii. About economists from "The Economist" and intelligentsia abroad. *Kniga i revolyutsiya = The Book and the Revolution*, 1922, no. 7, pp. 13–15. (In Russian).

13. Shvarts M. The Review. *Sovremennik = Contemporary*, 1922, bk. 1, pp. 391–396. (In Russian).

14. Chubutskii P.P. Prerequisites for Real Economic Policy [Part 2]. *Ekonomist = Economist*, 1922, no. 3, pp. 45–53. (In Russian).

15. Furshchik M. On the issue of revival of bourgeois ideology. *Sibirskie ogni = Siberian Lights*, 1922, no. 5, pp. 84–101. (In Russian).

16. Kazimirskii K. What they prophesied about. (Historical record of nep and ideologues of the Russian bourgeoisie). *Bolshevik*, 1928, no. 2, pp. 91–96. (In Russian).

17. Chubutskii P.; Edemskii A. (ed.). New Populism. *Novoe vremya = New Time*, 1992, no. 7, pp. 58–59. (In Russian).

18. Chubutskii P.; Edemskii A. (ed.). New Populism. *Sotsium = Society*, 1992, no. 7, pp. 26–31. (In Russian).

19. Kravchenko A.I. *History of domestic sociology*. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2005. 624 p.

20. Abaeva A.L., Borovikova T.V. *History of Economic Teachings: World and Domestic Economic Thought*. Moscow, Dashkov i K° Publ., 2021. 379 p.

21. Pogorel'skii A.L., Chernykh A.I. (eds.). *Economist*. Moscow, Territoriya Budushchego Publ., 2008. 365 p.

22. Chubutskii P.P. Prerequisites for Real Economic Policy [Part 1]. *Ekonomist = Economist*, 1922, no. 1, pp. 66–76. (In Russian).

23. Gloveli G. Economic history repeats itself. *Prognosis = Prognosis*, 2008, no. 4, pp. 242–247. (In Russian).

24. Bryanskii A.Yu. Economic thought of Russia in search of alternatives to economic development of the country: to history of the journal «Economist», 1921–1922 *Cand. Diss. Thesis*. Moscow, 2012. 26 p.

25. Solntsev S.I. Social problem in economic coverage. *Ehkonomist = Economist*, 1922, no. 2, pp. 220–230. (In Russian).

26. Kuznetsova N., Rozov M. Scientific text as a source in historical and scientific research. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*, 2005, no. 5, pp. 107–112. (In Russian). EDN: IBLGSZ.

27. Lutokhin D.A. Our Economic Journals. *Vestnik literatury = Bulletin of Literature*, 1922, no. 1, pp. 16–17. (In Russian).

28. Maslov P.P. *Theory of the development of the national economy: introduction to sociology and political economy*. Saint Petersburg, V. Bezobrazov i K° Publ., 1910. 380 p.

29. Maslov P.P. *The World Social Problem*. Chita, 1921. 268 p.

30. Maslov P.P. *Famine and the national economy. The Sadness of the Fields*. Chita, 1922. Coll. 1, pp. 97–109. (In Russian).

31. Maslov P.P. *Theory of Cooperation*. Moscow, Goskniga Publ., 1922. 122 p.

Информация об авторе

Майдачевский Дмитрий Ярославович — кандидат экономических наук, доцент, кафедра международных отношений и таможенного дела, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: MaidachevskyDY@bgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0966-188X>, SPIN-код: 9241-2241, AuthorID РИНЦ: 499735.

Author

Dmitry Ya. Maidachevsky — Ph.D. in Economics, Associate Professor, Department of International Relations and Customs Affairs, Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: Maidachevsky-DY@bgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0966-188X>, SPIN-Code: 9241-2241, AuthorID RSCI: 499735.

Для цитирования

Майдачевский Д.Я. «Поручик Кизе» отечественной экономической науки, или Слово в защиту ее эмпирической историографии / Д.Я. Майдачевский. — DOI 10.17150/2500-2759.2024.34(1).42-53. — EDN SUEAVU // Известия Байкальского государственного университета. — 2024. — Т. 34, № 1. — С. 42–53.

For Citation

Maidachevsky D.Ya. «Lieutenant Kizhe» of Russian Economics, or a Word in Defense of Its Empirical Historiography. *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*, 2024, vol. 34, no. 1, pp. 42–53. (In Russian). EDN: SUEAVU. DOI: 10.17150/2500-2759.2024.34(1).42-53.